

Элоиза вновь разыгрывает Абеляра

Неретина С.С.

Е.Г.Драгалина-Черная. Онтологии для \forall беляра и Элоизы. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 231 с.

Название книги, героями которой будто бы являются Абеляр и Элоиза, на деле посвящена не этим историческим персонажам, а квантору общности и квантору существования. Сама по себе это поразительная история обозначений. «Традиция использовать имена Абеляра и Элоизы как названия кванторов восходит к обозначениям (\forall), (\exists), введенным Дж.Пеано, и сложилась в теоретико-игровой семантике, где именами великого схоласта (Abelard, \forall belard) и его возлюбленной (Eloisa, \exists loisa) называются также игроки в семантических играх с кванторами» (с.5). Джузеппе Пеано (1858 – 1932), итальянский математик, создал к тому же искусственный язык *latino-sine-flexione* (латинский без окончания), участвовал в разработке логической теории и символики, видимо, был мастером такого рода дел. Книга к тому же открывается эпиграфом – стихотворения А.Поупа (1688 – 1744) «Элоиза Абеляру», так что мы действительно видим, сколь велико было влияние этих двух средневековых персон на историю – вплоть до логики. Если учесть, что Абеляра называли в логике «вторым Аристотелем», то в общем-то совсем не случайно, что его именем, соответственно именем его возлюбленной назвали кванторы. Они-то и являются в книге главными героями, «предопределившими принципиальное отличие современной логики от традиционной». Этим логика обязана Г.Фреге и Ч.С.Пирсу, определившим кванторы как «*второпорядковые предикаты* и как *функции выбора*» (с.5 – 6).

Более того, в книге идет речь о взаимосвязи логики и онтологии, это проблема тем более важная, что онтология, «дискредитированная догматическими притязаниями “грязящей метафизики” и обреченная в результате кантовской критики на полулегальное существование под псевдонимом “аналитика чистого рассудка”, была, казалось бы, бесповоротно редуцирована до “формального модуса” философами-аналитиками XX века» (с. 6). Этому помешало развитие «онтологической инженерии», вернувшей онтологии «интеллектуальную респектабельность» и заставив самоё логику

задаваться вопросами о собственных принципах и границах. Все вместе взятое позволило переопределить и само понятие бытия. Определение Куайна «быть значит быть значением квантифицируемой переменной» стало, как пишет Драгалина-Черная, «максимой не только современной логики, но и всей аналитической философии» (с.7). Потому «онтологии стандартной и девиантной квантификации», как сказано в аннотации книги, сопоставление «эвристических возможностей и онтологических обязательства двух парадигм интерпретации кванторов <...> до современного состояния (абстрактные логики и IF-логика)» тщательно развернуты в монографии, будучи связаны и «с философской оценкой технических результатов последних лет о выразительных и дедуктивных возможностях логик с нестандартной квантификацией».

Книга состоит из четырех глав: «Кванторы как второпорядковые предикаты: от Фреге к абстрактным логикам», «Кванторы как функции выбора: от Пирса к IF-логикам», «Квантификация и экзистенция» и «Экзистенция и негация». В последней главе Драгалина-Черная рассуждает об отрицательных высказываниях, порождающих парадоксальные высказывания. «Если существование рассматривается как предикат, то его отрицание тоже должно быть предикатом. Однако мы можем предсказать некоторое свойство (как, впрочем, и его отсутствие) лишь тому, что существует. Утверждая, что Сократ не существует, мы вынуждены, таким образом, допустить существование Сократа» (с. 173). Именно так отвечает Ансельм Кентерберийский безумцу из Псалтири, сказавшему «Нет Бога». Критику, как она пишет, онтологического аргумента начал в XV в. Гассенди, который полагал, что «существование не может быть свойством, поскольку нечто, лишённое существования, было бы в таком случае лишено свойства, но, чтобы быть лишённым какого-то свойства, надо существовать» (с.173). Драгалина-Черная приводит оппонировавшее Гассенди мнение, что существование - это универсальный предикат, принадлежащий всем индивидам. «При таком подходе получается, однако, - и это ее собственные размышления, - что предикат “не существует” вообще не будет выполняться ни для одного индивида. Эту сложность можно, в свою очередь, преодолеть, например, за счет постулирования отрицательной реальности, вопрос о категориальном статусе которой вообще является центральным для онтологии отрицательных высказываний» (с. 174).

Мне, однако, в голову пришел аргумент Фомы Аквинского об отрицательных высказываниях, близких к рассуждениям Гассенди. В «Сумме теологии» он пишет о том, что добраться до истинного Божественного бытия можно только с помощью операции, которую Фома назвал «*отрицанием деления*», «*negatio*

divisionis». «Отрицание» не означает исключения операции деления для выяснения сути дела из арифметических операций, куда входят также умножение, сложение и вычитание. Это выражение апофатического отношения к последовательности восхождения к металогическому состоянию, к полноте *ens-бытия*. Пять путей к Богу, которые мы неверно называем доказательствами Его бытия, предполагают, что при нахождении причины какого-нибудь следствия, это следствие должно полностью покинуть поле нашего зрения, оно не должно нас больше интересовать. Как только мы, к примеру, нашли начало (причину) какого-либо движения, тотчас само движущееся, причиненное этим началом, прекращает быть как если бы еще не начавшееся. До конца отрицаются все эмпирические существа, остается один Бог, как То, о чем больше ничего не скажешь, и деления дальше производить невозможно. Потому можно, конечно, говорить не при наличии, а при всего лишь постулировании отрицательной реальности о том, что «отрицательные высказывания могут рассматриваться либо как выражающие *присутствие отсутствия* <...> либо как выражающие *присутствие отсутствия* <...> либо как результат логического вывода от *отсутствия присутствия* некоторых обычных позитивных фактов» (с. 174), но можно через *negatio divisionis* понять существование как таковое через утверждающее отрицание, которое Николай Кузанский назвал Неиным (словом, означающим вместе утверждение-отрицание).

Мы вплотную через Фому и Кузанца подошли к средневековой логике, рассмотренной в книге, в которой все же есть место реальным Абеляру и Элоизе и иже с ними.

Один из разделов книги, посвященный «теоретико-игровой семантике, хотя и называется «Элоиза играет с \forall беляром», все же посвящен реальным логическим диалогам. Автор рассматривает в этом параграфе математическую теорию игр, где под игрой понимается математическая модель конфликта, то есть ситуации, участники которой наделены определенными, в общем случае различными интересами и способны действовать в соответствии с ними, причем исход ситуации зависит от принятых ее участниками решений. Предполагается, что каждый игрок стремится к максимуму полезности, иначе говоря, выбирает ту, которая дает предпочтительный для него исход (с. 70). Разумеется, раздел назван правильно: ведь у кого-кого, а у Абеляра и Элоизы точно был конфликт: один хотел на ней жениться, несмотря на то, что страдал его авторитет как философа, другая не хотела выходить за него замуж, чтобы не пострадал его авторитет, в то время как ее собственный страдал не слишком, только в

глазах недалеких людей. Впрочем, личная история Абеляра и Элоизы спрятана, как мы видели, в книге под именем «теоретико-игровой семантики», которая «реализует диалогический подход к интерпретации» (с.70) и не менее вероятно в «игре в предписания», воспринятые средневековой логикой от Аристотеля через Боэция. «Предписание - это обязательство, накладываемое на отвечающего в виде тезиса, который тот обязан защищать. В частности, обязанностью отвечающего может быть защита этого тезиса в качестве истинного, когда он является ложным (*position*), и в качестве ложного, когда он фактически является истинным (*depositio*). Задача оппонента (вопрошающего) состоит в том, чтобы привести респондента (отвечающего) к противоречию с принятым тезисом» (с.71). Диалог, апелляция к общему мнению, весь ход игры, по мнению автора книги, «предвосхищают современную логическую технику *интерпретации посредством контрпримера*, основанную на трактовке доказательства как неудавшейся попытки построения контрпримера и дающую систематический способ построения такого контрпримера в том случае, когда он возможен» (там же). Далее идет ссылка.

Но вопреки ожиданиям это ссылка не на средневековые логические трактаты, а на тридцатилетнюю апробацию разных подходов к реконструкции средневековых логических диспутов. Между тем сами трактаты (Боэция, Абеляра, Иоанна Солсберийского, Фомы Аквинского с его диалогически выстроенными ситуациями в «Теологической сумме») сейчас доступны российскому исследователю, «Логика для начинающих» Абеляра посвящена, правда, не играм, но собственно логическим началам, а в моей книге «Концептуализм Абеляра» показаны способы диалогического присутствия в формализованных структурах. Поскольку вся дальнейшая часть главы – это анализ реконструкций на основе «Логико-философского трактата» Витгенштейна, буддийских дебатов, метода модельного множества Хинтикки и множества Линденбаума, свидетельствующих об анализе теории игр упомянутыми философами и логиками, то судить о том, как все-таки реальная Элоиза играла с Абеляром, трудно. Трудно принимать логическое на веру. Единственная ссылка на статью Е.Н.Лисанюк «Современные подходы к реконструкции средневекового логического диспута», посвященную в основном логикам XIII – XIV вв., в данном случае – слабая подмога, тем более что и статья не анализируется, а упомянута в ссылочном аппарате. Абеляр и Элоиза, давшие имя книге, упомянуты в ней дважды как давшие «многочисленное» «пассионарное» «потомство, поставившее даже вопрос о расширении границ логики». Куда уж шире – логика была задана Богом, и он об этом

писал, а логика как «формальная, аналитическая, априорная и нормативная дисциплина» (с.198), безусловно, наверное, расширилась, если бы у нас была возможность это проверить.

Речь о средневековой логике идет и в главе 3 «Квантификация и экзистенция». Наш спор с Е.Г. Драгалиной-Черной по поводу «единственного аргумента» Ансельма Кентерберийского опубликован в книге «Реабилитация вещи» (совм. с А.П.Огурцовым), в которой мы даже несколько изменили собственную точку зрения на аргумент, но и там и сейчас не согласны с мнением, будто этот аргумент есть «художественный (притворный) текст», что «придает ему модальный характер» (с.141). Если уж что и придает ему модальный характер, то не упомянутый автором в анализе Ансельмова доказательства, но свойственный обыденной речи тропологизм, что не есть момент «художества», тропы – «это не что-то такое, что можно по желанию добавлять к языку или отнимать у него; они – его истиннейшая природа». Это понимал Ницше, говоря, что нет ни риторического, ни не-риторического «естественного» языка, но именно об этом писали и мы, причем один из нас – начиная с конца Шестидесятых годов XX в. Определения притворства, взятые у Сёрля, к делу отношения не имеют, как не имеет отношение к делу и ссылка на то, что безумец из Псалтири не «пользовался перформативным характером аргументации Ансельма, отказываясь принимать ее “всерьез” и присоединиться к Ансельму» (с.142), потому что сам Ансельм присоединился к нему, сказавшему «Нет Бога»: Ансельм предположил, что тот мог принять имя «Бог» за знаки «б», «о», «г». К тому же на с.139 - ошибка, которую надо просто исправить: нельзя переводить «*vox significans*», «значение», «значащий звук» как «звук пустой», видимо, подразумевалось иное – «*flatus vocis*».

В целом, однако, раскрывающая понятия абстрактных логик как формальных онтологий, онтологии полиадической квантификации, идеи семантических и прагматических игр, а главное тем, что автор апробировал «разработанные методы в логическом анализе языка, а также в логико-онтологической экспликации классических философских затруднений», книга найдет заинтересованного и благодарного читателя.